

МИНА

Ветеран Великой Отечественной войны, ныне профессор Красноярского медицинского института Юрий Викторович Скавинский служил врачом отдельного дивизиона речных катеров, которые обеспечивали боевую деятельность сухопутных войск. Первое боевое крещение молодой офицер получил на огненном волжском фарватере в дни сражения за Сталинград. Один из рассказов ветерана предлагаем нашим читателям.

— Знаете, что такое боевое траление? — спросил он меня, а затем продолжил. — Внешне это нудная, кропотливая работа. Берется на буксир старая баржа или допотопный плашкоут и начинается долгая «прогулка» по речному фарватеру туда и обратно раз двадцать, а то и больше. А мысль в голове одна: «Взорвется или не взорвется?»

Немцы в ту пору стали сбрасывать магнитно-акустические мины. Их сбрасывали прямо на речные перекаты, где помельче, где больше была возможность потопить наши низкосидящие нефтеналивные суда. А механизм мины был рассчитан на один взрыв из 21 возможного. Короче, мог пройти один, второй, третий пароход, а десятое судно взрывалось. Коварная ловушка!

По берегам Волги стояли наши посты и наблюдали, где немецкие самолеты

сбрасывали парашюты с минами, считали количество всплесков и подробно обозначали минные поля. На баржах же, с помощью которых мы тралили, была своя продуманная акустика: через короткие промежутки времени по борту стучала кувада, чтобы мина зафиксировала шум. Если такая «крохотулечка» рвалась, то катер взлетал вверх, а большой двухпалубный пароход разламывался пополам.

В это время наши миныры раскусили секрет немецких мин, и матросы начали успешно их разминировать. «Утюжили» фарватер с помощью взрыва придонных мин только в экстренных случаях, когда шло горючее из Астрахани вверх по реке сплошным потоком.

Никогда не забуду это ясное утро, когда ко мне вдруг прибежали запыхавшиеся матросы с нашего дивизиона. Командира дивизиона вызвали в штаб, а я остался за старшего, на базе.

Оказывается главстаршина бронекатера обнаружил неподалеку на глубине двух метров огромную мину. Но чтобы ее подорвать, требовалось по инструкции присутствие офицера.

— Не побойтесь, доктор? — спросили меня моряки.

— Пошли, братцы! — как можно спокойнее от-

ветил я, хотя сердце екнуло и внутри похолодело. Взял врачебную сумку, хотя знал, что она после

лами, подошли на шлюпку к перекату и начали табанить. Сквозь небольшую толщу воды виднелся злобный черный корпус плавающей смерти. Мину приходилось разминировать в одних трусах, так как она охотно реагировала на любые предметы. Погружение в таком виде матросы называли заступлением на вахту по форме «ноль»...

Боцман попеременно с минером начали подныривать под «крохотулечку», чтобы подвести и закрепить аккуратно бикфордов шнур. Хотя вода уже была холодной, они не обращали на это внимания, настолько напряглись нервы. Да и все остальные сидели на банках, как завороченные. Команды отдавали шепотом, а все слышали.

Наконец, «прикурили» шнур от зажигалки — и полный ход! Шлюпка летела к берегу, как стрела. Гребцы ложились на банки спиной и распрямлялись, как пружина. Сердце стучало, как молот. Двадцать секунд, тридцать, сорок... Одним махом — на берег, и «рыбой» — в глубокую траншею. Только почувствовал, как в ноздри ударил запах вскопанной земли. И... Волга встала огромным хрустальным кустом, хлестнув по нашим спинам брызгами воды. Взрывная волна смахнула деревянный ящик из-под ручных гранат, который был оставлен на бруствере да галочьи стай еще долбо носились в оглушенном небе. Посмотрел я на свои часы и не поверил: 60 секунд мы затравили, чтобы попасть в укрытие!

Л. АЛЕКСАНДРОВ, наш корр.

КОГДА ЗАЦВЕТАЕТ МИНДАЛЬ

(Продолжение).

Шлюпку несло течением к Анатолийским берегам, к Босфору, так как Черное море расположено выше, чем Средиземное. Шлюпка отошла от севастопольского берега третьего июля. И тогда еще никто не знал, что прибьет ее к берегу на рейде Эрегли только двадцать девятого августа! Тридцать шесть дней продолжалась героическая одиссея советских моряков. Трое не выдержали голода — один за другим умирали на дне шлюпки от истощения мужественные севастопольцы. На исходе были силы и Ересью. Молодой врач неподвижно лежал, глядя в синее небо. Девятого августа его подобрала «Анафорта», турецкий пароход...

Павел Иванович рассказывал:

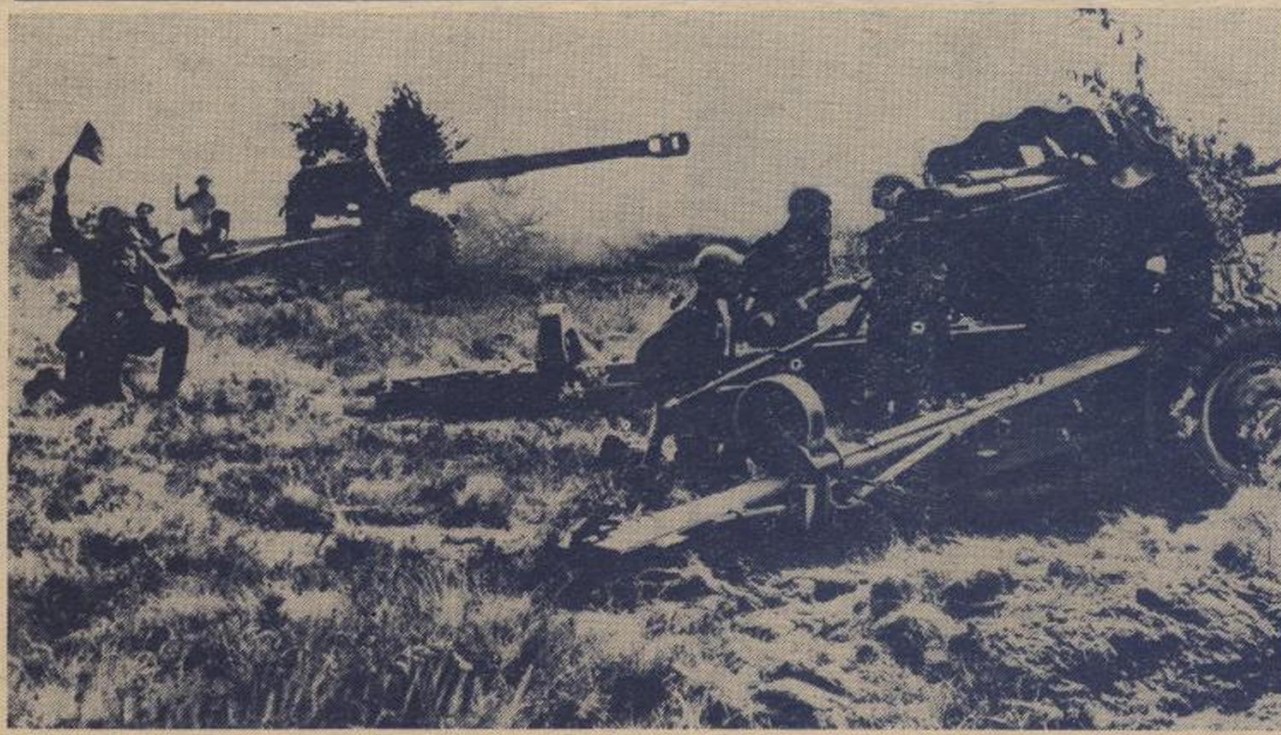
— Самое трудно было привыкнуть к морской воде. Пили ее через силу, но все же смертельная жажда уже не так сжимала горло. Однажды в шторм попробовали деликатес: пресную воду. Ее собрали во время дождя на брезенте. Чувство голода было нестерпимым первые семь-восемь дней, затем оно притупилось. Общая вялость, бессилие, галлюцинации, желтые круги перед глазами — вот неизменные спутники голода. Море было ласковым и сонным. Тишина и синева и бескрайнее море воды, которая опоясывала. Мертвых хоронили, привязав к ногам железные уключины.

Когда пассажиры с турецкого парохода узнали о мужестве советского моряка, все наперебой стали называть Ересью: «Караман». По-турецки это — герой.

А много позже Павел Иванович узнал о том, что то же пришлось пережить четверым советским солдатам, которые боролись с тайфуном сорок девять дней! (Кстати, пригодность к употреблению морской воды доказал не так давно французский врач Бомбар).

...Весна в Крыму сопровождается мягкими теплыми дождями, теплом, настоенным на терпком запахе зелени, и только что распустившейся акации. Высохший после дождя асфальт кажется белым на фоне весенней вешней земли. У замшелых камней Генуэзской башни пробивается первая трава... Из лоцины, уходящей на мыс Айя, приносят первые подснежники, которые пахнут тонко и долго-долго не вянут, потому что впитали в себя последний талый снег. Зацветает миндаль и, глядя на него, многие бывалые моряки вспоминают ту, такую долгожданную и такую прекрасную весну. Весну нашей победы!

Сегодняшний праздничный номер нашей газеты, посвященный славному юбилею Советской Армии и Военно-Морского Флота, подготовлен коллективом военной кафедры КГМИ. Редакция «Медика» благодарит сотрудников кафедры и от всей души поздравляет с праздником.

● Стихи о море.
Б. ЛЬВОВ.

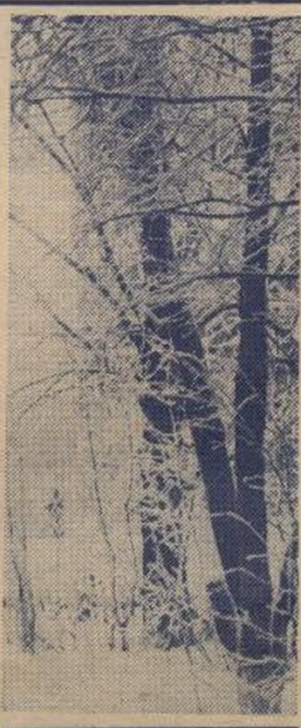
САМОЕ СИНЕЕ В МИРЕ

Корабль шел на испытание, И море зимнее штормило, Нас, молодых, кают-компания Мужскою дружбою сплотила. Мы после вахты беспокойной Здесь чаем грелись и мечтали, Патронами в тугой обойме В конце того похода стали! И где бы после не служили, В каком бы не были мы званьи, Нас годы не разъединили: В них теплота кают-компаний! Светлее синяя дорога,

И солнце, веслами гребя, Пльвет навстречу нам... Тревога! Во всех отсеках корабля! Рванулась бешеной погоней И счет секундам повела, Минг — и раскрытою ладонью Стальная палуба легла. Как будто шторм ее расчистил! Слегка над крайсером завис Бомбардировщик... И — как выстрел Стрелюю огненною авьсь! Как будто бы ему неведом

Земной ньютоновский закон, Второй за ним уходит следом, Над океаном взял разгон. А из железного колчана Другая вынута стрела. ...Здесь, над валами океана, Граница мира пролегла! Всю ночь шпангоуты скрипели, И палуба летела вниз, Как будто грузные качели Нас убаюкать собрались. Мы только вахту отстояли И засыпали в теплоте, Шипели тихо

магистралаи Над головою в темноте. И было в кубрике тревожно, И ночь штормящая длинна... А утром! Лучше невозможно: Покой, простор и тишина! Сверкали вымытые дали, И море сизое кругом, И остревший древний Таллин Всплывал огромным кораблем. И загремели цепи в клюзах, Аврал сыграли на заре, Тонули синие медузы В моем брезентовом ведре!

Редактор А. НЕБОГАТОВ.

Л. БУРДИН.